

Отжившіе бюрократическіе порядки.

(Къ вопросу о реформѣ Правительствующаго Сената).

Отецъ мой, Николай Гавриловичъ Покровскій, былъ младшимъ сыномъ тайнаго совѣтника Гавріила Семеновича Покровскаго ¹⁾; въ ихъ семействѣ только старшій сынъ Иванъ Гавриловичъ и мой отецъ прошли курсъ воспитанія и отличались способностями; Иванъ Гавриловичъ даже занимался литературой, переводилъ стихами изъ Шиллера и др. нѣмецкихъ авторовъ; но слабости характера онъ скоро оставилъ занятія, вышелъ въ отставку. Прочіе три брата моего отца умерли молодыми людьми, а одинъ изъ нихъ даже въ больницѣ душевно-больныхъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ братьевъ одинъ мой отецъ былъ во всю свою жизнь полезнымъ членомъ общества.

Воспитывался онъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ отлично учился, получалъ награды и былъ выпущенъ на службу въ артиллерию, куда выпускали способнѣйшихъ учениковъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Во время польскаго мятежа 1831 года Николаю Гавриловичу пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ и быть при штурмѣ Варшавы 26 августа 1831 г.

Когда войска вернулись въ свои квартиры, мой отецъ былъ уже женатъ; не имѣя особеннаго влеченія къ военной службѣ и для обезпеченія своей семейной жизни, онъ перешелъ въ гражданскую службу по Государственному контролю, гдѣ занялъ отвѣтственную должность правителя канцеляріи. Уже изъ такого назначенія отстав-

¹⁾ Словарь русскаго историческаго общества, литера П.

ного поручика на серьезную должность по новой сферѣ труда видно, что Николай Гавриловичъ и въ гражданской службѣ оказался такимъ же способнымъ, какимъ былъ въ корпусѣ и въ артиллеріи. Сверхъ способностей онъ отличался необыкновенной добросовѣстностью, а въ этомъ понятіи на первомъ планѣ стоитъ честность. Генераль-контролеръ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ такъ цѣнилъ своего правителя канцеляріи, что просилъ его надзирать за дѣлами по управленію своими имѣніями, поручалъ ему не одну свою петербургскую контору, но ѣздилъ съ нимъ обзрѣвать имѣнія и т. д. Когда Нарышкинъ умеръ, Николай Гавриловичъ, перешелъ на службу въ департаментъ Горныхъ и соляныхъ дѣлъ (нынѣ Горный департаментъ) начальникомъ счетнаго отдѣленія. Должность правителя канцеляріи въ контролѣ была чисто административная, а въ Горномъ департаментѣ Николаю Гавриловичу пришлось взяться за совсѣмъ новое и весьма сложное дѣло, потому что кромѣ денежной отчетности, горная часть имѣетъ обширную матеріальную отчетность.

Въ Горномъ департаментѣ Николай Гавриловичъ былъ любимъ своими подчиненными и товарищами и цѣнимъ начальствомъ. Изъ директоровъ департамента больше всѣхъ нуждался въ немъ горный инженеръ генераль-маіоръ В. К. Рашетъ, тѣмъ болѣе, что время его директорства совпало съ преобразованиемъ системы государственнаго контроля и введеніемъ единства кассы. Въ комиссію по контрольной реформѣ подѣ председательствомъ стастъ-секретаря В. А. Татарина, Н. Г. Покровскій былъ назначенъ членомъ отъ горнаго вѣдомства, а послѣ составленія новаго порядка отчетности, на него легъ и весь трудъ по введенію реформы на горныхъ заводахъ. В. К. Рашетъ не только не могъ заниматься этимъ дѣломъ по его спеціальному характеру, но былъ поглощенъ разными дѣлами по преобразованію казенныхъ горныхъ заводовъ, введенію на югѣ Россіи выплавки чугуна на каменномъ углѣ, введеніемъ доменныхъ печей его системы въ Россію и за границей, проектомъ Уральской желѣзной дороги и т. д. По счетной части В. К. Рашетъ вполнѣ довѣрялъ Н. Г. Покровскому. Обѣзжая горные заводы, В. К. Рашетъ бралъ его съ собою. В. К. Рашетъ дѣлалъ на заводахъ совѣщанія съ инженерами по техническимъ вопросамъ, а Н. Г. Покровскій собиралъ особо совѣщанія изъ старшихъ горныхъ чиновъ по дѣлу объ отчетности, поучая ихъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать по новымъ правиламъ. Въ 1865 году здоровье Николая Гавриловича сильно разстроилось, но тѣмъ не менѣе въ 1866 г., совершенно больной, онъ поѣхалъ, вслѣдъ за В. К. Рашетомъ на Уралъ и вернулся въ началѣ августа того же года, едва живымъ. Контрольное

дѣло было окончено на заводахъ, а 28 августа 1866 г. Н. Г. Покровскій скончался на 58-мъ году жизни. Итакъ, выйдя живымъ въ 1831 г. изъ подъ Варшавы, онъ сложилъ голову на работѣ по счетоводству; поле чести можетъ быть вездѣ, если человекъ всего себя отдаетъ дѣлу. В. К. Рашетъ вернулся съ заводовъ позже; тогда моя мать обратилась къ нему съ просьбою о назначеніи ей усиленной пенсіи за службу мужа вообще и за особыя его заслуги. В. К. Рашетъ отнесся къ ея просьбѣ съ большимъ вниманіемъ, и 4 ноября 1866 г. по особому Высочайшему повелѣнію Императора Александра II, мать моя получила пенсію по 600 р. въ годъ, нераздѣльно съ своею дочерью Ольгою, который тогда было уже 26 лѣтъ. В. К. Рашетъ и начальникъ инспекторскаго отдѣленія Горнаго департамента В. С. Татариновъ сказали моей матери, что они старались, чтобъ за заслуги Николая Гавриловича была дана его вдовѣ болѣе возвышенная пенсія, но, не успѣвъ въ возвышеніи суммы, достигли того, что пенсія назначена ей нераздѣльно съ дочерью, такъ что, говорилъ Рашетъ,—ваша дочь, послѣ смерти вашей, будетъ получать ту же самую пенсію въ 600 р. ¹⁾.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Отъ времени до времени доходили до меня слухи, что моя сестра не будетъ получать того, что получаетъ мать. На эти слухи я не обратилъ вниманія по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, моя мать получала пенсію по особому Высочайшему повелѣнію нераздѣльно съ дочерью, во-вторыхъ, эти слухи могли бы тревожить мою мать и въ третьихъ,—дочь могла умереть раньше матери.

Осенью 1890 г. моя мать внезапно заболѣла воспаленіемъ легкихъ и скончалась 27 октября, проболѣвъ всего пять дней, на 78 году жизни. Пришлось встрѣтиться съ вопросомъ о пенсіи ея дочери, и тутъ въ Главномъ казначействѣ мы въ первый разъ узнали, что по позднѣйшимъ правиламъ 27 декабря 1874 г. моя сестра можетъ получить въ пенсію только 100 р. въ годъ, т. е. $\frac{1}{6}$ часть нераздѣльной пенсіи матери. Въ департаментѣ Государственнаго казначейства сдѣлано было такое же распоряженіе объ уменьшеніи пен-

¹⁾ Отецъ мой говорилъ передъ смертью женѣ: будь спокойна, тебѣ дадутъ хорошую пенсію. Надо полагать, что по времени его службы и заслугамъ, онъ надѣялся, что вдовѣ его дадутъ усиленную пенсію, что-нибудь близкое къ 1.000 р. Однако моя мать была рада и 600 р., потому что и эта пенсія была выше, чѣмъ бы слѣдовало дать по пенсіонному уставу, и слѣд. заслуги ея мужа были цѣнимы начальствомъ его, а это весьма утѣшительно знать для близкихъ.

сін моеї сестрѣ до 100 р. въ годъ. На это распоряженіе сестра подала жалобу министру финансовъ И. А. Вышнеградскому.

Съ своей стороны, для разъясненія дѣла я отправился къ товарищу министра финансовъ Т., котораго лично зналъ по моеї службѣ съ 1878 по 1887 гг. въ Варшавской пробирной палаткѣ; пробирная часть была тогда подчинена департаменту Государственнаго казначейства, а Т. былъ его директоромъ. Я былъ увѣренъ, что онъ взглянетъ на дѣло моеї сестры вполнѣ раціональнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что правила 27 декабря 1874 г. не только не были изданы при немъ, но въ ту минуту, какъ товарищъ министра финансовъ, онъ долженъ былъ блюсти за законнымъ направленіемъ дѣлъ.

Я пришелъ въ приемную въ домъ Главнаго штаба, на р. Мойкѣ; было много просителей, ожидавшихъ выхода г. Т.; мы выстроились въ общій рядъ. Я думалъ, что г. Т., увидя меня, припомнитъ, что я служилъ подъ его начальствомъ, и разспроситъ меня о причинѣ моего появленія въ приемной; но, дойдя до меня, г. Т. не далъ себѣ труда даже задержаться около меня хоть на минуту, а направился къ слѣдующему просителю. Мнѣ же, сквозь зубы, сказалъ: „это нельзя, это незаконно“. Я понялъ, что онъ зналъ о моемъ дѣлѣ изъ доклада дежурнаго чиновника, и что у товарища министра нѣтъ иного взгляда на дѣло, какъ и у чиновъ департамента Государственнаго казначейства; очевидно было, что г. Т. не вникаетъ въ значеніе правилъ 27 декабря 1874 г.

По приказанію министра финансовъ, департаментъ Государственнаго казначейства отъ 20 февраля 1891 г. за № 2992 объявилъ моеї сестрѣ: 1) что пенсія вдовѣ статскаго совѣтника Покровской хотя и назначена нераздѣльно съ дочерью въ 1866 г., но при жизни ея она производилась вполнѣ лично одной Покровской, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія о пожалованіи оной; право же ея дочери на полученіе пенсіи открылось лишь со времени смерти матери, послѣдовавшей въ 1890 г., т. е. уже при дѣйствіи новыхъ правилъ 1874 года о порядкѣ производства нераздѣльныхъ пенсій, и 2) сін правила, какъ видно изъ Высочайше утвержденного 27 декабря 1874 г. Положенія комитета министровъ, изданы взамѣнъ прежнихъ, именно вслѣдствіе признанной невозможности примѣненія послѣднихъ на практикѣ, и потому, не составляя какого-либо новаго закона и имѣя всѣ признаки разъясненія прежнихъ правилъ, правила 27 декабря 1874 г. преподаны въ руководство на будущее время и съ тѣхъ поръ примѣняются на практикѣ во всѣхъ случаяхъ, при производствѣ нераздѣльныхъ пенсій дѣтямъ по смерти матерей, хотя бы самыя пенсіи были назначены ранѣ изданія этихъ правилъ. Не распространяются оныя лишь на тѣ

пенсіи, которыя уже производились дѣтямъ по смерти матерей по прежнему порядку, до изданія новыхъ правилъ. Въ заключеніе министръ финансовъ объявлялъ, что Ольга Покровская имѣетъ право на полученіе только $\frac{1}{6}$ части пенсіи ея матери, т. е. 100 р. въ годъ.

Объявленіе это могло бы имѣть значеніе только тогда, если бы въ Положеніи комитета министровъ было оговорено, что дѣйствіе его распространяется на пенсіи, пожалованныя ранѣе его утвержденія Высочайшей властью. По справкѣ въ полномъ собраніи законовъ (за 1874 г. № 54.217) ничего подобнаго въ этомъ положеніи не оказалось, а, напротивъ, въ немъ сказано, что новыя правила устанавливаются „на будущее время“. Министерство финансовъ ссылается еще на свой циркуляръ отъ 21 января 1875 г. за № 9, изданный въ разъясненіе, какъ слѣдуетъ примѣнять правила 1874 г. („Вѣстникъ финансовъ“ 1875. № 5), въ которомъ находится примѣчаніе о томъ, что новыя правила не примѣняются только въ томъ случаѣ, если дѣти, до изданія циркуляра, уже получаютъ нераздѣльныя пенсіи въ полной суммѣ. Циркуляръ этотъ былъ впоследствии включенъ въ 31 ст. приложения II къ Инструкціи казеннымъ палатамъ и казначействамъ, при чемъ осталось и примѣчаніе: Инструкція утверждена властью министра финансовъ по соглашенію съ государственнымъ контролеромъ; поэтому, какъ циркуляръ, такъ и Инструкція обязательны для частныхъ лицъ только въ тѣхъ частяхъ, которыя согласны съ закономъ, а примѣчаніе къ циркуляру противорѣчило тексту закона 27 декабря 1874 г., изданнаго „на будущее время“.

Всѣ наши родные и знакомые скорбѣли о судьбѣ моей сестры, и всѣ были того мнѣнія, что тутъ невозможно ничего сдѣлать. Даже юристы и тѣ не обѣщали успѣха въ жалобѣ Сенату на распоряженіе министерства финансовъ; указывали также на дѣлопроизводство въ Сенатѣ, которое будетъ тянуться долго, и все же въ концѣ концовъ мы получимъ отказъ. Какъ бы мы правы ни были и хотя выиграли бы дѣло въ Сенатѣ, но министръ юстиціи перенесетъ дѣло въ Государственный Совѣтъ и тамъ непременно дастъ мнѣніе въ пользу министерства финансовъ.

Въ департаментѣ Государственнаго казначейства предлагали мнѣ такую программу: просить министерство Государственныхъ имуществъ, въ которое тогда перешелъ Горный департаментъ, о назначеніи моей сестрѣ новой усиленной пенсіи за службу ея отца и во вниманіе къ ея разстроенному здоровью; по бывшимъ примѣрамъ дѣлъ этого рода ей могла быть назначена половина прежней пенсіи, т. е. она могла бы получать 300 р. въ годъ; впоследствии въ департаментѣ Государственнаго казначейства обна-

нистръ финансовъ М. Х. Рейтернъ обманули императора Александра II, испрашивая моею матери съ дочерью за службу ихъ мужа и отца 600 р. въ годъ, спросилъ я?

— Нѣтъ, я этого не говорю, отвѣчалъ г. Денпишъ, они дѣйствовали правильно, но послѣ нихъ министерство финансовъ обязано беречь казенныя деньги при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Я не вижу здѣсь никакого удобнаго случая, возразилъ я; во всякомъ случаѣ, Высочайшее повелѣніе, это—законъ.

— Нѣтъ, не законъ, настаивалъ Денпишъ; если бы это былъ законъ, онъ былъ бы въ Сводѣ законовъ, а извините, хотя я и очень уважалъ вашу матушку и очень уважаю вашу сестрицу, но о нихъ не будутъ говорить въ Сводѣ законовъ.

Само собою разумѣется, что визитъ г. Денпишъ къ г. Галиндо не принесъ намъ ничего утѣшительнаго.

Знакомые мнѣ присяжные повѣренныя Г. Г. Принтцъ и Е. К. Фоссъ, люди очень опытные въ юридическихъ вопросахъ и въ дѣлахъ, оба выражали сомнѣніе, чтобы такое дѣло могло быть выиграно противъ министерства финансовъ.

Какъ все это ни было вѣроятно, но я имѣлъ убѣжденіе, что часто дѣла бываютъ сходны, но въ каждомъ дѣлѣ есть свои особенности, которыя даютъ право надѣяться на лучшей исходъ. Въ дѣлѣ моей сестры вся документальная часть была въ ея пользу; даже самый поводъ, по которому состоялось Положеніе комитета министровъ 27 декабря 1874 г., вопросъ, поднятый военнымъ министромъ, не имѣлъ никакого прямого отношенія къ нераздѣльнымъ пенсіямъ, дарованнымъ ранѣе этого Положенія.

Въ дѣлѣ моей сестры все было ясно какъ день въ ея пользу, мнѣ казалось невозможнымъ пропустить такой случай; до насъ подобныя дѣла не доходили до Сената; всѣ шли на компромисъ, обращались къ испрашиванію новыхъ Высочайшихъ повелѣній, уступая часть того, что слѣдовало получить. Главнымъ стимуломъ, почему департаментъ Государственнаго казначейства настаивалъ на своей практикѣ въ примѣненіи правилъ 27 декабря 1874 г., было опасеніе, что всѣ тѣ, кому было отказано, могли бы требовать возврата недоданныхъ имъ суммъ. Одно это опасеніе, высказывавшееся дѣлопроизводителями департамента, показываетъ уже, что обратное дѣйствіе правилъ 1874 г. незаконно.

Несмотря на мои доводы, что до взысканій бояться нечего, потому что не только тѣ, кто обратился къ новой Монаршей милости, не имѣютъ права отъ нея отказываться, но за 27 лѣтъ, протекшихъ съ 1874 г., масса пансіонеровъ конечно умерла, начальники отдѣленій департамента Государственнаго казначейства г.г. Страховъ и

Поль и столоначальникъ Мурашко не убѣждались моими доводами.

Въ маѣ 1891 г. сестра моя подала жалобу на министерство финансовъ въ Правительствующій Сенатъ. Сверхъ всего, что уже объяснено выше, моя сестра указывала въ жалобѣ, что при назначеніи пенсіи нераздѣльно съ матерью, она была совершеннолѣтнею; такимъ образомъ нераздѣльная пенсія не есть для нея наследство, открывшееся послѣ смерти матери, а самостоятельное право, дарованное какъ матери, такъ и дочери, упомянутой въ Высочайшемъ повелѣніи 4 ноября 1866 г. Сверхъ того въ жалобѣ было объяснено, что если начальство дѣлаетъ представленіе тому Государю, которому чиновникъ служилъ, оцѣнивая его заслуги, и Государь жалуетъ награду за заслуги въ видѣ пенсіи сверхъ правилъ вдовѣ и дочери, въ опредѣленномъ размѣрѣ и порядкѣ производства этой пенсіи, то можно ли допустить переоцѣнку заслугъ и измѣненіе Царской милости?

На жалобу моей сестры министерство финансовъ, поддерживая свою ссылку на правила 1874 г., доносило Сенату, что до сихъ поръ не происходило никакихъ недоразумѣній въ примѣненіи этихъ правилъ; въ 1886—1887 годахъ восходили на Высочайшее разсмотрѣніе ходатайства дочерей сенатора князя Оболенскаго и д. с. с. Юханцева, при чемъ было признано, что имъ слѣдуетъ только $\frac{1}{6}$ часть пенсій, но по особой Монаршей милости имъ пожаловано было княжнѣ Оболенской половина пенсіи, а г-жѣ Юханцевой—полная пенсія. Министерство финансовъ указывало еще на то, что когда Комитетъ Министровъ разсматривалъ дѣло о нераздѣльныхъ пенсіяхъ, то имѣлъ въ виду заключеніе министерства финансовъ о томъ, что новыя правила не должны распространяться только на тѣ пенсіи, которыя уже производятся дѣтямъ послѣ смерти матерей.

Противъ этого я, по довѣренности сестры, подалъ въ Сенатъ дополнительное прошеніе, въ которомъ относительно примѣровъ по дѣламъ Оболенской и Юханцевой, просилъ Сенатъ вытребовать эти дѣла въ подлинникъ, чтобы судить, вполнѣ ли они однородны съ дѣломъ моей сестры. Независимо отъ сего, если министерство финансовъ уважило ходатайство этихъ лицъ, Оболенской—въ половинѣ, Юханцевой—вполнѣ, значитъ, оно видѣло незаконность своихъ дѣйствій и покрывало ее фирмою новаго Высочайшаго повелѣнія.

Когда дѣло наше поступило въ Сенатъ, оберъ-прокуроромъ 1 департамента его былъ тайный совѣтникъ Петръ Михайловичъ Бутовскій. Въ Сенатѣ я зналъ хорошо, еще съ дѣтства, сенатора, оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента тайнаго совѣтника

А. Θ. К., нынѣ члена Государственнаго Совѣта; я просилъ его переговорить съ оберъ-прокуроромъ 1 департамента. А. Θ. К. сообщилъ мнѣ не особенно утѣшительныя извѣстія. Оберъ-прокуроръ сказалъ ему, что сестра моя лучше бы сдѣлала, если бь обратилась къ ходатайству о новой пенсіи. Изъ этого я, въ простотѣ своей, подумалъ, что оберъ-прокуроръ намѣренъ дать заключеніе въ пользу министерства финансовъ, и уже считалъ дѣло проиграннымъ.

О дѣлѣ нашемъ обѣщаль переговорить съ сенаторомъ В. А. Арцимовичемъ, извѣстнымъ знатокомъ административныхъ дѣлъ, пріятель нашего двоюроднаго брата В. И. Лихачевъ, тогда бывшій въ Петербургѣ городскимъ головой.

Въ ноябрѣ 1891 г., 1-й департаментъ Сената слушалъ дѣло моей сестры; всѣ сенаторы высказались за выдачу ей пенсіи въ полной суммѣ; впоследствии я узналъ, что и оберъ-прокуроръ 1-го департамента далъ заключеніе противъ доводовъ министерства финансовъ. Тутъ я понялъ, что его слова, сказанныя А. Θ. К., относились не къ существу дѣла, а къ общему положенію нашей русской жизни. И дѣйствительно, хотя 1 департаментъ высказался за Высочайшее повелѣніе 4 ноября 1866 г., даровавшее пенсію, но дѣло еще далеко не было обеспечено въ правильности своего хода.

Послѣ перваго слушанья дѣла въ Сенатѣ, рѣшеніе его посылается, подъ именемъ проекта опредѣленія, къ министру, на котораго подана жалоба, для подписанія. Я не могъ узнать въ министерствѣ финансовъ, кто изъ товарищей министра будетъ разсматривать наше дѣло, и никого тамъ не могъ убѣдить согласиться съ Сенатомъ. Проектъ сенатскаго опредѣленія вернулся въ Сенатъ не подписаннымъ министромъ финансовъ, при рапортѣ отъ 13 мая 1892 г., за № 2003, съ возраженіями министерства финансовъ, которое прибавляло къ прежнимъ соображеніямъ своимъ еще такое, что ни прежнія, ни новыя правила выдачи нераздѣльныхъ пенсій не составляютъ закона, а имѣютъ значеніе инструкцій; поэтому къ нимъ, по мнѣнію министерства, нельзя примѣнять основного закона, что законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія.

При новомъ разсмотрѣніи дѣла въ Сенатѣ, въ связи съ протестомъ министра финансовъ, почти всѣ сенаторы 1 департамента—П. В. Оржевскій, И. Н. Орловъ, Е. А. Кудрявцевъ и В. А. Арцимовичъ остались при прежнемъ мнѣніи; къ мнѣнію министра присоединился сенаторъ Д. Б. Беръ; онъ прежде служилъ въ министерствѣ финансовъ, былъ директоромъ департамента торговли и мануфактуръ. Отъ министерства финансовъ присутствовалъ товарищъ министра А. С. Ермоловъ.

Послѣ этого моя сестра видѣлась съ В. И. Лихачевымъ, который сообщилъ ей, что во время разбора дѣла въ Сенатѣ В. А. Арцимовичъ горячо оспаривалъ доводы министра финансовъ и сказалъ, что министерству финансовъ совершенно неприлично привязываться къ случаю изданія новыхъ правилъ о пенсіяхъ и обирать сиротъ, которыя должны получать пенсіи за заслуги отцовъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ, изданнымъ ранѣе.

Это было 22 ноября 1892 г.; дѣло потомъ перешло въ первое общее собраніе Сената и слушалось въ немъ 19 марта 1893 г. Въ этотъ промежутокъ времени скончался сенаторъ В. А. Арцимовичъ: къ счастью голосъ умершаго сенатора остается въ своей силѣ ¹⁾. Я вѣрилъ, что голосъ и духъ В. А. Арцимовича будетъ присутствовать въ общемъ собраніи Сената. Я пошелъ на выносъ тѣла В. А. Арцимовича и благоговѣнно снялъ шляпу, когда показался его гробъ, и затѣмъ долго провожалъ печальную колесницу.

Передъ слушаніемъ дѣла въ общемъ собраніи я составилъ докладную записку о дѣлѣ моей сестры, при содѣйствіи ученаго и опытнаго въ дѣлахъ, бывшаго члена Варшавской судебной палаты В. М. Бѣлозерскаго; ранѣе онъ былъ членомъ учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ, профессоромъ Кіевскаго университета и редакторомъ журнала „Основа“; онъ считалъ мою сестру безусловно въ своемъ правѣ. Эту докладную записку я послалъ сенаторамъ общаго собранія и товарищу министра финансовъ А. С. Ермолову. Въ этой запискѣ была, между прочимъ, выражена слѣдующая мысль: Ольга Покровская въ 1866 г., уже во время своего совершеннолѣтія, исключительно и помимо другихъ дѣтей Покровскаго, получила за заслуги отца Высочайшую милость въ назначеніи ей нераздѣльно съ матерью пенсіи и съ минуты этого назначенія, а не со дня смерти матери, Высочайше одарена неотъемлемымъ правомъ на полную пенсію послѣ матери, въ 600 р.; эту пенсію, какъ нераздѣльную, нѣтъ никакого основанія ни дѣлить, ни уменьшать.

Въ первомъ общемъ собраніи огромное большинство сенаторовъ, 19 особъ, подали голоса въ пользу моей сестры, а 7—противъ; съ голосами отсутствующихъ сенаторовъ П. В. Оржевскаго и В. А. Арцимовича, число голосовъ за право моей сестры было 21, т. е. ровно три четверти общаго собранія. Имена этихъ сенаторовъ из-

¹⁾ Прекрасное правило, такого нѣтъ ни въ одномъ учрежденіи; можетъ быть потому Сенатъ нашъ такъ высоко держитъ знамя справедливости, что сенаторы дорожатъ мнѣніемъ и потомства?

вѣстны, какъ имена опытныхъ и заслуженныхъ людей, а именно: В. А. Арцимовичъ, А. Ѳ. Гротъ, В. А. Цезъ, Я. Г. Есиповичъ, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, Е. А. Кудрявцевъ, И. Н. Орловъ, Л. А. Харитоновъ, А. Д. Шумахеръ, бар. И. О. Веліо, Н. П. Семеновъ, П. А. Шульцъ, К. О. Малковскій, Н. С. Горковенко, Н. П. Смирновъ, И. С. Алопеусъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, А. А. Мельниковъ, П. В. Оржевскій и Д. Б. Беръ, перешедшіи въ этомъ составѣ на сторону закона, противъ министерства финансовъ. Сенаторы, противники большинства общаго собранія были: А. С. Ермоловъ, товарищъ государственнаго контролера В. П. Череванскій, бывшій губернаторъ В. Ф. Лиліенфельдъ-Тоаль, Е. Е. Рейтернъ, бар. М. Н. Медемъ изъ нихъ только одинъ В. Г. Коробьинъ могъ считаться опытнымъ юристомъ. Эти семь лицъ подписали особое мнѣніе, въ которомъ приведены взгляды министерства финансовъ и прибавлено еще такое соображеніе: нельзя давать дѣтямъ то, что получала вдова съ дѣтьми. Это можетъ быть очень остроумно, но несправедливо и юридически неправильно. Время измѣняетъ обстоятельства, жизнь дорожаетъ, и пенсія, бывшая сначала достаточною вдовѣ съ дѣтьми, можетъ впоследствии быть скудною и для однихъ дѣтей.

Когда приближалось время слушанья дѣла моей сестры въ общемъ собраніи Сената, носились слухи, что товарищъ министра финансовъ А. С. Ермоловъ назначается министромъ государственныхъ имуществъ; къ 19 марта слухи эти оправдались, такъ что въ этотъ день онъ уже былъ министромъ по другой части, еще не вступившимъ въ новую должность. Если бъ онъ вникалъ въ дѣло, онъ могъ бы размыслить, что не могутъ же 21 заслуженныхъ лицъ, большею частью опытныхъ въ законахъ людей, не понимать того, что они дѣлаютъ! Положеніе его позволяло ему быть независимымъ отъ министра финансовъ. А. С. Ермоловъ и обнаружилъ независимость; онъ по многимъ дѣламъ въ этотъ день согласился съ Сенатомъ, но когда дошла очередь до дѣла моей сестры, онъ, какъ мнѣ передавали, сказалъ: но ужъ по этому дѣлу я не могу согласиться съ Сенатомъ. Какъ же несправедливо спорило министерство финансовъ по прочимъ дѣламъ, если А. С. Ермоловъ пошелъ по нимъ противъ него! Въ нашемъ дѣлѣ только еще не давали намъ должнаго, въ тѣхъ дѣлахъ вѣроятно отнимали у людей то, чѣмъ они законно владѣли и безъ чего обойтись не могли.

Вообще, товарищи министра ходятъ въ Сенатъ не для того, чтобы разсматривать дѣла совокупно съ Сенатомъ и усиленно трудиться о приближеніи къ правдѣ, а только для того, чтобы не соглашаться съ Сенатомъ и тормозить дѣло. Счастливы тѣ, кто

встрѣчаетъ въ Сенатѣ товарища министра не формалиста: такимъ былъ товарищъ министра государственныхъ имуществъ В. И. Вешняковъ ¹⁾. Въ нашемъ дѣлѣ А. С. Ермоловъ обратилъ вниманіе только на то, что министерство финансовъ хочетъ заработать 500 р. въ годъ, по случаю смерти нашей матери; но онъ не хотѣлъ понять, что тутъ департаментъ Государственного казначейства попираетъ законы, игнорируетъ Царскую волю и топчетъ все, что дѣлалъ Горный департаментъ, оцѣнивая труды своего чиновника! И что дороже для народа въ государствѣ, эти 500 р. или незыблемость всего порядка управленія въ дѣлопроизводствѣ и значеніе Царской власти?

Дѣло наше однако и послѣ рѣшенія общаго собранія Сената еще не достигло успѣха. Законъ хотя и поставилъ Сенатъ регуляторомъ административнаго произвола, но въ сущности далъ ему только одно право—разсуждать.

Новое движеніе дѣлъ по жалобамъ въ Сенатъ происходитъ въ министерствѣ юстиціи и тамъ дѣло опять обставлено разными гарантіями въ пользу администраціи.

Если въ пользу жалобы высказалось въ I департаментѣ Сената менѣе одной трети голосовъ, дѣло считается рѣшеннымъ въ пользу министерства, исполнѣ окончаннымъ; оно не переходитъ въ общее собраніе Сената и жалобщикъ не имѣетъ права апелляціи. Для частнаго лица иной порядокъ. Когда въ пользу жалобы соберется двѣ трети и болѣе голосовъ сенаторовъ, тогда дѣло идетъ въ общее собраніе Сената. Если въ этомъ собраніи состоится тоже большинство двухъ третей или болѣе голосовъ, то дѣло передается въ министерство юстиціи, „на пропускъ“ его министромъ. Пропускъ этотъ состоитъ въ томъ, что если министръ юстиціи согласенъ съ общимъ собраніемъ Сената, то онъ пишетъ на опредѣленіи общаго собранія: читалъ я дѣло этимъ кончается. Но если министръ не соглашается съ общимъ собраніемъ Сената, то можетъ внести дѣло въ консультацію или въ совѣтъ министра юстиціи, гдѣ оно вновь разсматривается. При всякомъ рѣшеніи консультаціи, министръ юстиціи можетъ по своему усмотрѣнію передать дѣло опять въ общее собраніе Сената, съ согласительнымъ предложеніемъ. Если общее собраніе не приметъ согласительнаго предложенія, тогда министръ юстиціи можетъ внести дѣло еще въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно окончательно рѣшается, а рѣшеніе подносится на Высочайшее утвержденіе.

¹⁾ Который, на строго-юридическихъ соображеніяхъ Сената, отдыхалъ отъ административно-бюрократическихъ пзворотовъ дѣла.

Изъ изложеннаго видно, что передача дѣла „на пропускъ“ министра юстиціи представляетъ изъ себя процедуру, которою вся судьба дѣла, до перехода его въ Государственный Совѣтъ, отдается въ руки министра юстиціи. Порядокъ этотъ заимствованъ изъ Положенія о Сенатѣ Петра Великаго, который хотѣлъ, чтобы въ Сенатѣ было око царево, въ лицѣ генераль-прокурора Сената: Генераль-прокуроръ долженъ былъ наблюдать, чтобы сенаторы, какъ-нибудь, не нарушили законъ; генераль-прокуроръ присутствовалъ въ средѣ Сената, разъяснялъ сенаторамъ законы. Если сенаторы съ нимъ не были согласны, генераль-прокуроръ могъ представить дѣло на усмотрѣніе Государя.

Теперь этотъ порядокъ замѣненъ передачей дѣла „на пропускъ“ министра юстиціи, очевидно съ тою цѣлью, чтобы министръ юстиціи могъ, сколь возможно, охранить интересы администраціи. Для этого и введено разсмотрѣніе дѣла въ консультаціи и новое разсмотрѣніе его въ общемъ собраніи Сената по согласительному предложенію министра юстиціи. Министръ юстиціи хотя и носитъ званіе генераль-прокурора, но значеніе его теперь совсѣмъ иное; генераль-прокуроръ при Петрѣ Великомъ былъ дѣйствительно окомъ царевымъ въ Сенатѣ, а нынѣшняя передача дѣлъ „на пропускъ“ подвергаетъ дѣло оку министра, если ему удастся склонить Сенатъ на свою сторону.

Пока наше дѣло съ марта 1893 г. приготовлялось къ переходу въ министерство юстиціи для пропуска, тамъ произошли важныя перемѣны. Министръ Н. А. Манасеинъ оставилъ министерство, на его мѣсто вступилъ Н. В. Муравьевъ; перемѣнился и товарищъ министра юстиціи; новымъ товарищемъ было то самое лицо, которое при нашемъ дѣлѣ занимало постъ оберъ-прокурора I департамента; ему снова пришлось разсматривать дѣло моей сестры въ консультаціи, потому что предсѣдателемъ ея состоитъ товарищъ министра юстиціи. Вышло такъ, что одно и то же лицо было въ Сенатѣ представителемъ суда, а въ консультаціи явилось представителемъ администраціи; судьба послала его, чтобы мечомъ суда разрубить гордіевъ узелъ, завязанный департаментомъ Государственнаго казначейства въ нашемъ дѣлѣ. Это совпаденіе въ одномъ лицѣ двухъ властей не указываетъ ли, что самъ Богъ беретъ участіе за правое дѣло и послалъ въ министерство юстиціи своего вѣстника высшей правды. Не было никакого сомнѣнія, что наше дѣло и въ новой обстановкѣ удержитъ свою правоту; въ консультаціи въ февралѣ 1894 года всѣ члены единогласно присоединились къ мнѣнію Сената.

Но предстояло пройти еще самого министра, а онъ, какъ на-

рочно, при вступленіи своемъ въ должность, произнесъ рѣчь, которая на первомъ планѣ ставила необходимость поддержки суда для администраціи. Конечно, это сказано было въ томъ смыслѣ, если дѣйствія администраціи не противорѣчатъ закону, но изъ нашего дѣла уже рельефно видно, какъ безцеремонно можно толковать законы и какъ мало можно обратить вниманіе даже на прямыя Высочайшія повелѣнія! Хотя и въ юстиціи, но министр—все же администраторъ и можетъ тяготѣть къ административному толкованію закона.

Я ждалъ, что дѣло поступитъ въ Государственный Совѣтъ, но послѣ консультаціи оно не двигалось. Одинъ изъ видныхъ чиновъ министерства юстиціи мнѣ сказалъ, что лучше всего было бы, если бы я склонилъ министерство финансовъ дать моей сестрѣ всю пенсію по Высочайшему повелѣнію 4 ноября 1866 года.

— Теперь, послѣ рѣшенія Сената, они можетъ быть это и сдѣлаютъ, прибавилъ онъ; вы скажите имъ прямо, что въ министерствѣ юстиціи это дѣло не можетъ перерѣшиться; отъ насъ уже ѣздили къ нимъ чиновникъ съ сообщеніемъ въ этомъ смыслѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что теперь вы встрѣтите въ департаментѣ Государственнаго казначейства сочувствіе.

Я понялъ, что весь вопросъ былъ въ томъ, чтобы не вмѣшиваться въ это дѣло министерство юстиціи и понудить министерство финансовъ уважать законы.

Въ департаментѣ Государственнаго казначейства я опять говорилъ съ начальникомъ отдѣленія г. Страховымъ, убѣждалъ его стать на сторону моей сестры, въ виду громаднаго большинства голосовъ сенаторовъ и единогласія въ консультаціи. Г. Страховъ сомнѣвался, чтобы это удалось, однако и самъ уже не имѣлъ прежняго образа чиновника, гордаго своимъ кривотолкомъ, а похожъ былъ на человека сконфуженнаго; онъ обѣщалъ мнѣ доложить мое ходатайство директору своего департамента. Директоръ г. Галиндо принялъ мое прошеніе, но тоже выразилъ сомнѣніе въ успѣхѣ. Послѣ я узналъ, что министръ финансовъ С. Ю. Витте не согласился удовлетворить мою просьбу. Пусть дѣло идетъ въ Государственный Совѣтъ, сказалъ онъ, и я буду радъ, чѣмъ бы его тамъ ни рѣшили. Меня поразило это безпристрастіе къ закону С. Ю. Витте; ему слѣдовало защищать законъ, а онъ щеголялъ безпристрастьемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что къ г. Галиндо изъ министерства юстиціи ѣздили и разъясняли дѣло; на сей разъ ѣздилъ директоръ департамента министерства юстиціи г. Шмеманъ.

Съ этого момента дѣло наше пошло быстро къ развязкѣ. Дѣло передоложили С. Ю. Витте, онъ подчинился министерству юстиціи:

министерство финансовъ отъ себя, безъ сношенія съ министерствомъ Государственныхъ имуществъ, сдѣлало представленіе въ комитетъ министровъ и въ декабрѣ 1894 г. императоръ Николай II пожаловалъ моей сестрѣ то, что уже было ей пожаловано его дѣдомъ, императоромъ Александромъ II. Моя сестра конечно подала въ Сенатъ прошеніе о прекращеніи тамъ выиграннаго ею дѣла. Вноси дѣло въ комитетъ министровъ, министерство финансовъ ни однимъ словомъ не упомянуло, что моя сестра жаловалась Сенату.

По принятымъ издавна въ министерствѣ юстиціи порядкамъ, дѣла, поступающія изъ общаго собранія Сената, вѣдаются, за министра, товарищемъ министра; интересно, почему товарищъ министра не воспользовался тутъ своимъ положеніемъ и самъ не написалъ на резолюціи Сената — читаль; тогда дѣло было бы сразу кончено, и министерство финансовъ не могло бы протестовать?

Тутъ могли быть двѣ серьезныя причины. Первая, что установившіеся порядки „по пропуску“ сенатскихъ опредѣлений могли быть измѣнены новымъ министромъ юстиціи, и вторая, что, по духу судебныхъ уставовъ, судья, принимавшій участіе въ рѣшеніи дѣла, обязанъ себя отвести при новомъ разсмотрѣніи того же дѣла. Въ то время въ министерствѣ юстиціи былъ одинъ товарищъ министра.

Несмотря на то, что Сенатъ очень стѣсненъ процедурою разбора жалобъ на министерства, тѣмъ не менѣе въ народѣ сложилось убѣжденіе, что только черезъ Сенатъ можно добиться своихъ правъ¹⁾. Интеллигенція не имѣетъ этой вѣры, что доказывается хотя бы тѣмъ, что новое дѣло, по жалобѣ на невыдачу пенсіи, было единственнымъ за время дѣйствія правилъ 1874 г. о нераздѣльных пенсіяхъ.

Въ книгѣ г. Семенова: „Самодержавіе, какъ государственный строй“ (Спб. 1905 г., 99 стр. на правахъ рукописи) изложено, какимъ образомъ Сенатъ, задуманный Петромъ Великимъ, какъ учрежденіе, которому слѣдуетъ быть ближайшею помощью Верховной власти въ управленіи государствомъ, обратился въ нынѣшнее, почти безвластное учрежденіе? Даже послѣ Петра, при учрежденіи министерствъ, Сенату принадлежало право ревизовать отчеты министровъ и требовать у нихъ личныхъ объясненій, а въ важныхъ случаяхъ докладывать Государю; Сенатъ имѣлъ и законодательныя функціи, могъ возбуждать новые законы. Министры постепенно отвоевали у Сената свою независимость и достигли того, что свои отчеты пред-

¹⁾ Вѣра народа въ Сенатъ сложилась не сегодня: указаніе на нее находимъ у С. Аксакова въ его „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“ (Изданіе Москва. 1909 г., стр. 437).

ставляютъ прямо Государю, имѣютъ у Государя единоличные доклады!

И теперь, при Государственной Думѣ и при новомъ Государственномъ Совѣтѣ, мы видимъ, что настоящій надзоръ за администраціей можетъ быть осуществленъ только черезъ Сенатъ. Сколько горячихъ запросовъ предъявлено было къ министрамъ всѣми тремя Думами и они не принесли той пользы, какую даютъ спокойныя сенаторскія ревизіи? Депутаты Государственной Думы слишкомъ горячо и партійно относятся къ надзору за администраціей, и горячность эта портитъ все дѣло. Искусный дѣлецъ никогда не испугается горячихъ и потому большею частью ошибочныхъ нападокъ, всегда отъ нихъ отвернется, но спокойная и опытная ревизія Сената не позволитъ администраціи укрываться. Теперь заговорили о реформѣ Сената; она нужна, чтобы дать Сенату больше власти. Слѣдовало бы и право запроса передать изъ Государственной Думы Сенату, освободить Думу отъ этой обременительной и непосильной для нея работы. Тогда и Дума выиграетъ, занявшись всецѣло законодательствомъ.

Н. Покровскій.

